

Эмилио Лопес Аранго

Доктрина и тактика

Оглавление

1.	3
2.	5
3.	9
4.	13
5.	17
6.	21
7.	25
8.	28

1.

Вторую тему Международной встречи, организуемой газетой «Ла Протеста» по случаю 30-летия со дня ее основания, составляют различные вопросы, касающиеся теории и тактики анархизма. Они представляют эту тенденцию как гуманистическую философию и как революционное движение. Было бы интересно широко обсудить наиболее животрепещущие и насущные проблемы, связанные с развитием различных социальных концепций, в которых запечатлено определяющее направление исторического процесса. Но подобная попытка превосходила бы наши силы и вышла бы за рамки времени и места, которыми мы сейчас располагаем.

Ограничимся поэтому кратким критическим очерком о различных аспектах анархизма и различных тенденциях рабочего движения — политических и идейных течений, действующих на почве социальной борьбы, — сделав особый упор на ошибку нейтрализма и классового единства. Разве не этот вопрос больше всего обсуждается в последние годы в революционных кругах Европы и Америки?

Есть немало анархистов, которые отстаивают существование специфически-анархистских организаций — чистого анархизма или по его темам (антимилитаризм, рационализм, вегетарианство, антиалкоголизм и т.д.), но не согласны на соответствующую рабочую организацию. Именно эта, уже не раз отмеченная нами противоречивость заставляет нас снова настаивать на точке зрения, изначально выражающей деятельность боевого анархизма Аргентины.

2.

Нам кажется все более противоречивой позиция анархистов — сторонников специфически-анархистской организации. Их анархизм уклоняется от сути доктрины и останавливается на следствиях. Противоречивость этой тактики проявляется не только в делах, но и в доктрине. Она в эластичности политической концепции, прилагаемой к движению, которое стремится быть универсальным, но не желает замечать факторы, определяющие нынешнее положение вещей.

Партикуляризация (разбиение на частности) революционных действий заводит в теснины догматизма. Особый анархизм, исключительно свой у каждой секты, который смешивает следствия с причинами социального зла, неизбежно не вмещается в мощные движения, которым придают импульс и ориентацию анархисты, обладающие широким пониманием. Подобные заботы прекрасно уживаются в кружках, заполненных душевной ленью, в мышлении, сформированном химерами и абстракциями, в среде, где слова значат больше, нежели дела.

Чтобы выработать такие идеи относительно социальной действительности, которые не подчинят нас сиюминутным потребностям, а помогут создать новое всеобщее сознание, необходимо, чтобы анархисты спустились к народу и стали истолкователями коллективной боли, нищеты, коллективных стремлений. Может ли этот реализм в пропаганде и революционном действии подорвать философскую сущность анархизма или исказить провозглашаемые нами критерии? Некоторые говорят об опасности «пролетаризации» Анархии. Они полагают, будто философские теории, выдвинутые основоположниками нашего движения, непостижимы для менталитета работников физического труда. Они не знают, что Бакунин, Кропоткин, Реклю, Сальвочеа и другие шли к пролетариату, чтобы популяризировать свои принципы и что большинство пропагандистов либо сами были трудящимися, либо полностью отождествляли себя с трудящимся классом.

В тенденции видеть в анархизме философское занятие, доктрину, стоящую поверх всех повседневных проблем, принцип, недоступный менталитету среднего человека, как раз и содержится отрицание этических ценностей этой доктрины. Невозможно вычертить траекторию движения за социальное обновление, отворачиваясь от пролетариата или относясь к нему, как к простому объекту изучения и кабинетных экспериментов. Революционные идеи должны утвердиться в народной душе, передавать коллективные стремления, заключать в себе всю совокупность человека со всеми его страданиями, несчастьями и надеждами.

Практика партикуляристского анархизма, который избегает главной проблемы — борьбы против капитализма и государства, того чем они являются в истории, а не в каждый ее период в отдельности — и концентрирует свою критику на определенных аспектах социальной проблемы, ведет при ее приращении к отрицанию любых коллективных действий. У всех анархистов есть

общая база: борьба против принципа авторитета, против закона и против экономической системы. Именно эти факторы служат главными причинами организованного насилия и угнетения. Как можно не знать столь реальной и животрепещущей вещи? Отказываться от участия в трудовых конфликтах из опасения, что соприкосновение с рабочей массой запятнает чистоту одеяний идеала, — означает превратить анархизм в философствование или в литературный мотив.

Есть анархистские школы, которые замуровывают себя в догму, революционные тенденции, которые обособляются по отдельным темам, видя в социальных проблемах лишь то значение, которое вытекает из их собственной специфики. . . С одной стороны, — индивидуалисты, кичащиеся своей сверхчеловечностью и с презрением вззирающие на быдло, затем — специфические организации, такие как антимилиитаристские, вегетарианские, антиалкогольные, рационалистские и т.д., которые связывают будущее человечества исключительно с решением «их проблемы». Такая партикуляризация универсального движения, сужающая горизонты революционной пропаганды, — не есть ли это предрассудок буржуазного интеллектуализма и капиталистической демократии?

Мы не отрицаем того значения, которое может иметь систематизация антимилиитаристской, антиалкогольной, вегетарианской и т.п. пропаганды в определенные моменты и в среде, повышенно склонной к конкретным коллективным порокам и пристрастиям. То, с чем мы боремся, как с отходом от революционной доктрины — это анархические отклонения, которые обособляют вторичные факторы единого социального феномена, создавая, таким образом, отдельные доктрины со своей собственной тактикой и сектантской исключительностью.

Этому легко противопоставить синтез анархистского движения посредством универсализации всех политических, экономических и этических факторов, которые совместно определяют облик известной общей причины — эксплуатации человека человеком. Именно на основе этой социальной реальности, а не отдельных аспектов проявления того же самого факта анархизм должен разрабатывать линию своей пропаганды и революционного действия.

Проблема, по нашему мнению, состоит в том, чтобы выработать общий сценарий всех анархистских действий. Как нейтральный синдикализм не может стать основой всего рабочего движения, так и антимилиитаризм, антиалкоголизм, рационализм и т.д. не могут быть единственным выражением анархистской философии.

Вот почему мы пришли к такому заключению. Мы можем быть одновременно синдикалистами и анархистами, то есть работать как часть пролетарской организации, ведущей экономическую борьбу, и в то же время пропагандировать в синдикате (профсоюзе) идеи, которые расширяют сферу действия в области так называемой классовой борьбы. Чтобы выполнить эту двойную

работу — чтобы повседневные нужды не превалировали всегда над идеологическими задачами, — необходимо ввести наши принципы в рабочее движение и придать импульс борьбе трудящихся в самом широком революционном смысле. Синдикаты, ориентируемые анархистами, должны быть школами, объединениями, форумами, центрами культуры, выразителями всех надежд, которые сливаются в решении общей проблемы — преобразования современного общества.

Трудности в выработке синтеза общей идеологии состоят не столько в различии культуры, темперамента, вкуса и т.д., сколько в нехватке понимания, способного охватить весь комплекс социальных проблем. Эта преграда существует повсюду; особенно в Европе она образует стену, непреодолимую даже для анархистов в рабочем движении.

Из понимания процесса эволюции социалистических идей на протяжении полувека и из изучения борьбы пролетариата за тот же период времени выросла концепция анархистского рабочего движения Аргентины. В этой стране нет существенных различий между синдикатом и (анархистской) группой; они выполняют одинаковую миссию в деле пропаганды, даже если действуют в различной манере. Синдикаты образуются работниками одной и той же профессии; группы выполняют функции пропаганды там, где, по какой-либо причине, рабочая организация отсутствует. Но, за исключением некоторых дополнительных задач, специфическое объединение почти всегда уступает место синдикату в пропагандистской работе. Вот почему доктринальная пропаганда и действия органов трудящихся дополняют друг друга.

Мы опираемся на опыт движения, которое обособляет отдельные аспекты социальной проблемы, но и не оставляет их без внимания. Именно этот опыт вдохновляет нашу критику анархизма ниточек и сект, существующего в большинстве стран с революционной традицией.

Не приведет ли понимание этого момента анархистами к нахождению общей основы их будущих действий, как в рабочем движении, так и в специфических организациях, не занимающихся экономическими задачами?

3.

Мы подчеркиваем значение возвращения боевого анархизма к деятельности в рабочем движении, что выражает наше желание продолжить идти путем с той точки, где была прервана революционная традиция Первого Интернационала. Но при этом мы не хотим опираться на ту классовую концепцию, которая вдохновляла первые попытки братского союза всех жертв капиталистического ига. Мы ищем в интернационализме пятидесятилетней давности не инстинктивную силу, черпаемую им из революционных проявлений, а именно доктрину, которая внушила различные ориентации объединению людей, сходящихся только в необходимости удовлетворить самые насущные потребности. Иными словами, мы видим в Бакуине выразителя концепции, противостоящей марксистскому доктринаризму и проявленной авторитариями тенденции к подчинению этических проблем экономическому фактору.

Однако мы признаем, что бакунизм не является готовой доктриной. Напротив, именно на основе бунтарского духа Бакуина, а не на основе его варьировавшей тактической концепции — почти всегда результата переходного состояния социальных явлений, которые могли пробудить его неугасимый энтузиазм и его необыкновенную смелость —, мы должны укрепить восстановленный Интернационал и нашу пропаганду в рабочем движении. Мы хотим отметить следующий факт: раскол Первого Интернационала был неизбежен, независимо от личных конфликтов, сопровождавших его на протяжении всей его короткой истории. Даже без вражды между Марксом и Бакуиным произошел бы раскол между авторитариями и либертариями, сосуществовавшими в одних и тех же организациях, но не объединенными подлинными узами солидарности.

Мы сознаем, что унитарная политика Первого Интернационала сегодня неприменима к рабочему движению. Этическая эволюция пролетариата происходит не по суровым догмам, а в виде самых различных духовных проявлений. В эпоху детства социализма было просто организовать трудящийся класс под одним знаменем. Существовала лишь самая элементарная классовая концепция, которая выражала скорее желание улучшить свое экономическое положение, нежели сознательное стремление к социальному освобождению. Возможно ли, с другой стороны, превратить синдикализм в некую промежуточную доктрину, равноудаленную от марксизма и от анархизма? Работник не может быть чем-то одним в соответствии со своей едой и чем-то совсем другим в соответствии со своим мышлением. И то, что так называемые классовые интересы существуют только в той мере, в какой их выделяет «частный интерес» сознательного меньшинства — это доказанный факт.

Рабочее движение развивается параллельно идеям. Экономическая реальность, ежедневно навязываемая наемным рабам, может вызывать лишь оборонительное действие рабочего класса против диктата этой чудовищной системы. Но тот факт, что трудящиеся организуются в соответствии с экономической структурой капитализма, не означает, что в этом чередовании наступа-

тельных и оборонительных тактических мер и содержится цель революции.

Разделение среди пролетариата происходит именно на уровне истолкований. Люди, подверженные действию одного и того же жестокого закона наемного труда, могут иметь общие потребности и одинаковые стремления к немедленному улучшению своего положения; с одинаковой страстью все организованные трудящиеся сражаются на почве классовой борьбы; одну и ту же ненависть питают они на равных к эксплуатации и тирании. Но в какой форме должна быть разрушена эта эксплуатация и эта тирания? И здесь немедленно возникают трудности с пониманием. Социалист всегда попытается избежать острых конфликтов: он будет предлагать согласительные меры арбитража, защитительные законы, унижительные сделки. Анархист, напротив, будет выступать за продолжение борьбы в прямой форме — пока на это есть энергия —, не только против прямого эксплуататора, против капиталиста, вовлеченного в конфликт, но и против законов, охраняющих его жадность, и против властей, защищающих его действия. Остается еще промежуточная тенденция — синдикализм. К каким действиям прибегают синдикалисты перед лицом непосредственных социальных конфликтов? Они всегда вверяют их разрешение экономическим случайностям, страшась оторваться от реальности, понимая реализм исключительно в его материалистических проявлениях.

Доказательство этих фактов приводит нас к следующему заключению: в рабочем движении невозможна единая тактика, еще труднее найти общую основу для тенденций, которые сегодня разделяют пролетариат. В результате мы считаем, что синдикализм не работает как доктрина — как классовый принцип, стоящий за рамками или поверх социальных тенденций —, прежде всего потому, что он не признает превалирование идей над материальными факторами и над экономической функцией капиталистического режима. Возможна ли сегодня нейтральная организация, чуждая моральным заботам человека, вне подлинного революционного движения, путь которого начертан духовной эволюцией всего человечества? Такая возможность противоречила бы человеческой природе.

Согласно нейтралистской теории, покоряясь интерпретации исторического материализма, синдикалистские течения и предполагаемые революционные движения внезапно появляются и заканчиваются, приспособившись к повседневной тяжелой экономической ситуации. Провал этих популистских течений, определяемых преходящими бунтарскими импульсами, показывает, что одинаковые потребности не означают одинаковой склонности понять цели революции.

Работник ищет в другом работнике совпадение надежд на борьбу против эксплуатации и тирании; они организуются для защиты своих самых элементарных прав, стараясь осуществить на практике часть того, что записано в их программе. Поэтому мы имеем сегодня столько национальных и интернациональных рабочих организаций, сколько доктринальных течений выделилось в

обширном и все более расширяющемся пространстве социальной борьбы.

В настоящее время на международном уровне существуют три четко определенных сектора социализма — амстердамская Федерация свободных профсоюзов, московский Интернационал красных профсоюзов (Профинтерн) и берлинская Международная ассоциация трудящихся; их доктрины, соответственно, — социал-демократия, большевизм и анархизм. И это этическое разделение не исчезает. Другие политические и конфессиональные авторитарные тенденции господствуют над частью пролетариата, и классовое сознание не разоблачает перед наемными рабами ложь демагогов из комитетов и кафедр.

Если мы учтем, что в таких странах, как Голландия и Германия, в рабочем движении представлены все этические группы — имеются католические, протестантские, социалистические, большевистские, анархистские и синдикалистские организации — и что эти организации в известной мере принимают классовую борьбу, не совпадая в теории и в тактике действий, — какую ценность может иметь для нас проповедь защитников рабочего единства поверх всех людей и идей?

Не обязательно искать примеры в Европе, чтобы продемонстрировать обманчивость политики единства. В Америке мы тоже можем встретить представителей всех течений рабочего движения. Интернационализм выступает в двух основных тенденциях — авторитарном и либертарном. Но есть и тенденции, не представляющие какое-либо четко определенное идеологическое направление: промежуточные организации, которые не следуют никакому доктринальному течению, поскольку они в действительности подчинены процессу капиталистической индустриализации.

Мы, анархисты Аргентины, боремся за то, чтобы придать рабочему движению анархистскую интерпретацию. Мы не упорствуем в игнорировании действительности и в искажении фактов с помощью тщетных химер единства. Тем более мы не проводим политики соглашения со скрытыми или явными врагами анархизма. Вот почему, наряду капиталистической опасностью, мы обращаем внимание на опасную тенденцию марксистского авторитаризма и на склонность нейтральных синдикалистов смешивать термины социальной проблемы с ее историческим реализмом. . .

4.

Бесспорно, что в рабочем движении существует преобладающая марксистская тенденция, которая использует бунтарскую фразеологию и под давлением обстоятельств даже перенимает наиболее острые аспекты классовой борьбы. Эта тенденция не имеет никакого особого внешнего обозначения и в целом смешивается с революционными течениями синдикализма, поскольку избегает «политической проблемы» — парламентаризма, с которым обычно связывается марксистская доктрина — в стремлении привлечь в экономической сфере организованных трудящихся, вне либо поверх доктрин партийных течений.

Но не просто разобраться в двойной игре последователей Маркса. Критика парламентского социализма основывается на практике социал-реформистских партий и на очевидной беспомощности политических реформ. Но марксизм есть не только в парламентах и в парламентских формах. Мы можем сказать, что он существует и в рабочих организациях, где сильно проявляется материалистическая доктрина именно потому, что они следуют процессу индустриальной централизации и на этой основе вырабатывают в пролетариате менталитет, который точно укладывается в рамках этой капиталистической цивилизации. Иными словами, подчинение трудящегося класса материальным факторам — всем обстоятельствам развития крупной индустрии — совершает подлинный процесс авторитарной доктрины — превращения наемных труженников в бессознательный придаток экономической машины, а существующего режима — в естественное следствие оков Истории.

Из этой «исторической реальности» вытекает фатальность процесса индустриальной экспансии и централизации, и трудящиеся «не могут» прервать его по воле своего сознания и силой своих организаций. И рабочее движение — это не столько полюс, противоположный развитию капитализма, сколько его проявление и содержание. Вот почему, согласно последователям Маркса, рабочие организации подчиняются фатальным законам, избежать которых невозможно.

В теории так называемые революционные синдикалисты не признают реформистскую практику марксизма. Но на деле они согласны с материалистической тенденцией, так как не только подчиняют рабочее движение процессу капиталистической централизации, но и настаивают на необходимости сохранять в синдикатах абсолютную идеологическую нейтральность. Унитарный синдикализм, «самодостаточный», рассматривающий действие пролетариата как борьбу экономических интересов и видящий все решение социальной проблемы в замене нынешних хозяев — разве это не практика авторитарной тенденции в ее примитивных концепциях, без парламентской политики, без депутатов и рабочих правительств?

Социал-реформисты, выступая в роли профсоюзных руководителей, заявляют, что профсоюзы не должны заниматься политическими вопросами. Однако, пытаясь уклониться от моральной проблемы в экономической сфере, согласно

классовой школе в рабочем движении, они не собираются отказываться от своих политических целей в управлении корпоративной системой. Она находит свой настоящий триумф в подчинении трудящегося класса индустриальному развитию крупных капиталистических держав.

Вот как смотрят на проблему индустриализации рабочего движения марксистские теоретики:

«Известно, что, согласно Марксу, современная рабочая ассоциация является неизбежным следствием возникновения крупной промышленности; процесс ее развития приводит ко все большей концентрации. Форма рабочей организации должна определяться формой организации индустрии, и этот факт сегодня трудно оспаривать. Более того, этот принцип часто прославляется в самой рабочей среде, в том числе как пропагандистское средство, а в качестве стимула для организации пролетариата приводятся достижения класса хозяев в его организациях, которые противостоят требованиям трудящихся».

Из этого следует, что рабочее движение не может быть независимым от процесса капиталистического развития — от индустриальных конфликтов, выросших на почве конкуренции, и последующих кризисов, порожденных спекуляцией, — если оно не освободиться на деле от марксистских концепций и не будет искать решение человеческих проблем в революционных идеях. Как можно поддерживать независимость синдикализма, который всего лишь шаг за шагом следует экономическим путем, предначертанным в социальном сценарии капиталистической системы?

Для марксистов, включая тех, кто не участвует в парламентской деятельности, важно руководить государственной машиной. Экономический марксизм, противник завоевания политической власти, считает необходимым для развития рабочих организаций следующий исходный пункт, также принадлежащий к предпосылкам государственнического социализма:

«Едва только зародившаяся индустрия отличается от совершенствования отдельной ремесленной специальности. На этом этапе развития уже закладываются в зародыше специализация и дифференциация различных специальностей, которые характерны для едва лишь возникшей крупной индустрии. Здесь и там появляются различные фабрики, которые мало-помалу на опыте приходят к необходимости установить между собой связи, чтобы решать общие проблемы снабжения сырьем и оборудованием, завоевания рынков и т. д. Этому состоянию индустриального развития приблизительно соответствует рабочая организация со слабым и недифференцированным центральным национальным органом, дополняющим структуру организации в целом в случае наиболее крупных требований и наиболее сложных конфликтов.

По мере прогресса в концентрации индустрии, рабочая организация также должна развиваться в сторону большей сложности, специализации функций, концентрации и унификации ее организационной жизни. За концентрацией индустрии, слабо различающейся по отдельным специальностям, должна

примерно следовать и рабочая организация в форме национальных федераций по профессиям, как более совершенные органы, нежели изолированные синдикаты в составе общенационального органа.

Концентрации крупной промышленности, различающейся по отдельным профессиям, в сфере рабочей организации должно соответствовать появление национальных федераций по отраслям индустрии, способных, с точки зрения труда, решать те проблемы, которые крупные предприниматели решают в интересах капитала».

Таков синтез марксистской тенденции, преобладающей в рабочем движении. И как это ни покажется странным, его разделяет немалое число анархистов и синдикалистов, влюбленных в гигантские корпорации, в дисциплинированные армии рабочих, в чудовищный индустриальный прогресс и в катастрофические революции. . . в соответствии с индустриалистским методом: создания нового общества по матрице старого¹.

¹ На IV конгрессе Международной Ассоциации Трудящихся в 1931 г. делегат Американской континентальной ассоциации трудящихся Д. Абад де Сантьяго заявил: «на конгрессе представлены два различных мнения. Большинство европейских делегатов делает ставку только на доверие к индустриальным проблемам.. Это можно понять перед лицом преобладания индустрии в Европе. Но не следует забывать, что большая часть человечества состоит из сельского населения. По этой причине было бы по меньшей мере односторонним рассматривать кризис только через призму городской индустриальной точки зрения. Не только политический фашизм, но и капиталистический индустриализм является опаснейшей формой тирании. Товарищи полагают, что экономический вопрос один имеет решающее значение. Однако капиталистический аппарат, если он останется, как есть, и в наших руках никогда не станет инструментом освобождения человека, подавленного гигантским механизмом. Экономический кризис вызван огромным развитием машин и рационализации, он не ограничивается только городской индустрией, но распространяется и на сельское хозяйство, это универсальный кризис, который может быть решен только социальной революцией». Поэтому латиноамериканские делегаты выступили против предложенного французскими синдикалистами реорганизации международного анархо-синдикалистского движения в виде всемирной структуры индустриальных синдикатов, способных в случае революции перенять управление существующей системой индустриального производства. Сантьяго заявил: «Индустриализация не является необходимой. Люди тысячелетия жили без нее, жизненное счастье и благосостояние не зависят от индустриализации». Он «не против подготовки революции; мы ежедневно готовим революцию духовно и материально, но каждому течению при этом должна быть предоставлена полная свобода, которую не должны ограничивать другие течения. Не следует полагать, что грядущая революция раз и навсегда все разрешит. Следующая революция не будет последней. В буре революции все приготовления будут выброшены за борт, революция создает себе свои собственные формы жизни». По словам аргентинского делегата И. Марти, французские синдикалисты «совершают ошибку, пытаются механизировать М.А.Т. Надо думать не исключительно о производстве, а больше о самих людях; главная задача — не организация хозяйственной системы, а распространение анархистской идеологии». Марти выступил против рационализации, поскольку «не человек существует для общества, а общество для людей. Он хотел бы призвать чистых синдикалистов: назад к простоте природы, к сельскому хозяйству, к коммуне. Только следуя этим принципам, можно преодолеть рыночное производство и перейти к системе свободного распределения» (IV. Weltkongress der Internationalen Arbeiter-Assoziation. Madrid, vom 16. bis 21. Juni 1931. Berlin, 1931. S. 14-15, 17, 18.)

5.

По мнению аргентинских анархистов, пролетариат «должен стать стеной, которая остановит экспансию индустриального империализма. Только так, создавая этические ценности, способные развить в пролетариате понимание социальных проблем независимо от буржуазной цивилизации, можно прийти к созданию неразрушимых основ антикапиталистической и антимарксистской революции: революции, которая разрушит режим крупной индустрии и финансовых, промышленных и торговых трестов» (E. Lopez Arango, D. Abad de Santillan. *El anarquismo en el movimiento obrero*. Barcelona, 1925, p. 49).

Аргентинские анархисты выступили против идеи синдикального общественного устройства при сохранении индустриальной системы против социальной революции. В «Концепции синдикализма и его социальных задач» ФОРА отмечалось, в частности: «Тем, кто провозглашает «Вся власть синдикатам» ФОРА осознанно возражает, напоминая о том, что всякая власть есть зло — «Никакой власти никому» . . . ФОРА признает, что синдикализм является единственным средством, которым обладает рабочий класс для борьбы с эксплуатацией, патронатом и государством. Однако — не более, чем средством защиты, наиболее активным средством, которое может вызвать факт революции.

Однако это, в то же время, форма организации, рожденная из материальной необходимости, которой предстоит исчезнуть вместе с причинами ее создания, то есть существующей социальной и экономической системой. . .

Заявляя, что синдикальная организация может быть определена только как средство борьбы — наилучшее — против капитала и государства, мы не исключаем возможности ее революционных функций в конструктивный период. Но мы исключаем любую идею навязать ее нам в качестве заданной, predetermined линии действий, предоставляя организованным трудящимся в момент осуществления революции полную свободу определять формы структурирования и организации».

Мы не понимаем анархизм тех, кто желает быть историчными и научными, и чье единственное отличие от марксистских теорий состоит в оппозиции государству, которое предстает как чисто политическая сущность. Теория аполитичного синдикализма не выражает с достаточной ясностью цели социальной революции. Это означает, что можно вести борьбу с историческим государством, противостоять реформистской пропаганде социал-демократов, отрицать эффективность законов и даже доходить до разрушительной критики парламентаризма, но что это бунтарское действие не обязательно предполагает атаку на основы капиталистической системы. Если политически мы отрицаем эффективность марксистской тактики, но в сфере экономики согласны с ней — то есть перенимаем из марксизма так называемую историческую науку: фатальность развития капитализма в духе односторонности — как можем мы создать революционное движение, способное вырваться из замкнутого круга, в котором вращаются в настоящее время все рабочие партии? И если пролетариат — всего лишь результат социального процесса, действующего без его участия, если его идеи — плод необходимости, а все его действия регулируются экономическим фактором — каким образом смогут анархисты перерезать удавку, привязавшую трудящийся класс к чреву буржуазии?

Для социалистов существует параллельный процесс централизации политической власти и индустриальной централизации. Именно в этом состоит историческая наука Маркса. Отсюда те, кто выступает за необходимость завоевания государства трудящимся классом, выводят из этого завоевания то, что они называют руководство экономикой, то есть социализацию капитализма. Совершенно ясно, что мы имеем дело с социологическим софизмом, противоречащим фактам, так как правительство пролетариата — точнее, партии, осуществляющей власть от его имени — то же самое, что правительство народа и для народа или деспотизм меньшинства, опирающегося на пассивность тех, кто всегда оказывается в роли эксплуатируемых жертв тирании.

Мы говорили о марксистской логике, которая, если не на деле, то по крайней мере в теории выражает материалистические чаяния. Но как понимать ошибку, в которую впало немало количество анархистов, которые, выступая за разрушение политического государства, защищают — разумеется, под другим именем — государство экономическое?

Поясним различие между этими двумя понятиями, которые кто-нибудь может счесть одинаковыми. Под политическим государством мы понимаем совокупность законов, навязывающих народам насильственный социальный договор. Под экономическим государством — совокупность организаций, представленных капиталистическим режимом, которые сохраняются даже после изменений в юридической системе и переживают все политические революции. Мы хотим сказать этим, что можно разрушить всю социальную организацию, уничтожить историческое государство, экспроприировать буржуазию и ликвидировать частную эксплуатацию, но эти изменения не обязательно

будут означать окончательное падение капитализма.

Россия дает нам пример выживания капиталистической организации после поражения буржуазии. Государство, сохраненное большевиками, сделало возможным возвращение к капитализму. Российский феномен стал необычайной формой роста неразвитых капиталистических органов, что, в соответствии с теориями Маркса, как раз и предполагало вмешательство в этот процесс «пролетарского менталитета». В результате диктатура пролетариата пыталась развить экономическую систему, которая оправдывала ее существование. Трудящийся класс в России является определяющим фактором капитализма, а не его неизбежным управляющим.

Недостаточно, чтобы анархисты боролись с идеей государства, принципом авторитета, реформистскими политическими формулами. Реформизм проявляется в подчинении пролетариата национальному экономическому развитию, в превалировании материальных факторов над способностями и сознанием рабочих, в синдикалистской исключительности, которая выводит триумф революции из технического умения трудящихся, как будто бы проблема равенства и свободы народов заключена в экономическом механизме. К каким заключениям может привести нас подобная логика рассуждения и какие последствия может иметь ее приложение к рабочему движению?

Мы утверждаем, что подчинение рабочих организаций процессу капитализации и в особенности индустриальному централизму, не помогая пролетариату добиться постоянных экономических решений, стремится превратить наемных тружеников в добровольных рабов режима, который кажется им неизбежным, хотя и абсурдным. Политическое действие народов, подчиненное экономическим императивам, ограничивается сменой правящих каст; революция понимается как силовой акт, который разрушает юридические системы с тем, чтобы приспособиться к «новым социальным потребностям». Что означает для пролетариата приведение политического режима в соответствие с экономической системой? В общем, превращение его в руководящий и администрирующий класс в надежде, что капитализм выполнит историческую функцию, соответствующую его нуждам.

Поэтому было бы ошибкой предлагать два разных критерия для того, чтобы бороться с одной и той же несправедливостью и разрушить одно и то же зло. Невозможно достичь разрушения политического государства, сохраняя в действии экономическое государство. Второе есть сущность первого, правительства возникают, чтобы подогнать под его требования структуру общества и регулировать ее согласно законам функционирования капиталистических органов.

Когда правительство рухнет, быстро происходит замена. На базе индивидуальных интересов и соглашений правящие касты, с помощью разного рода привилегий, чередуются у власти. Что толку, если революционная ситуация даст пролетариату правительственную инициативу? Перед лицом свершив-

шегося факта поступят в соответствии с классовым критерием и выберут в администраторы общественных дел тех, кто должен будет, в первую очередь, поддерживать работу экономической машины. Так, по-революционному, восстановится государство на базе капитализма, поскольку менталитет синдикалистов не признает других решений, не укладывающихся в рамки «естественного порядка вещей», то есть условий, созданных режимом наемного труда, широкомасштабной эксплуатации, экономикой, определяемой законом спроса и предложения, монополией и торговлей.

Вот почему следует задать вопрос: можно ли придти к коммунизму через капитализм? Ни один анархист не будет поддерживать такой абсурд.

Чтобы разработать в настоящем этические и экономические основы коммунистического общества, необходимо разрушить в трудящихся дух и привычки рабства, культ закона и почтение к представителям принципа авторитета. И эту работу плохо выполняют анархисты, которые применяют к рабочему движению «научные» теории Маркса, поддерживая как непререкаемую революционную необходимость подчинение синдикализма формам капиталистического развития. Чтобы придти к анархистскому коммунизму, необходимо будет разрушить капиталистическую организацию и все ее революционные копии. . .

6.

Ничто так не противоречит реалиям революционного рабочего движения, как теория единства. Если концепция рабочего единства означает амальгаму людей, связанных необходимостью и непостоянным оборонительным инстинктом, его возможность состоит в зависимости каждого отдельного человека от общего интереса, преобладающего над их страстями и эгоизмом. Но социальный прогресс идет под знаком партикуляризации, а точнее говоря, индивидуализации; он действует путем частичного развития способностей, а не в соответствии с единообразным процессом классового отбора. Вот почему экономические классы не соответствуют в точности тем моделям, которые приписывают им марксистские теологи.

Рабочее единство по-своему объясняется различными апостолами классовой революции. Для государственного социализма эта концепция важна для подтверждения исторического материализма. Если человек есть результат социальной среды, в которой он живет, а его идеи и воля не определяют человеческий прогресс, то явственно признается, что способность людей к изменению формируется экономическими сущностями. Люди всегда остаются несознательными, продуктами неведомых им причин. . .

Нас не убеждает эта материалистическая метафизика. Какую ценность имеет для развития мира этот чисто инстинктивный, биологический импульс, который должен стать единственным определяющим фактором рабочей организации? Человек ведет борьбу за хлеб, за удовлетворение своих потребностей, но в этой борьбе почти всегда заложен альтруистический импульс: желание обеспечить хлеб для всех людей. Именно таков побудительный мотив бунтарства, более высокий, нежели настоятельные потребности и разделения на классы.

В результате мы убеждены, что за политикой рабочего единства — квинт-эссенции классовой теории — скрываются намерения господствовать и подчинить рабочее движение авторитету политических вождей, действующих в профсоюзной сфере. Те, кто эксплуатируют потребности пролетариата для своих избирательных целей, объявляют войну иным идеологиям. . . Однако навязывают собственную идеологию пролетарским организациям, которые они держат под своим контролем.

Если мы, анархисты, часто говорим о борьбе классов, то делаем это, чтобы указать на реальные контрасты в интеллектуальных, этических и экономических условиях существования людей, составляющих одно и то же общество, но разделенных непреодолимым антагонизмом интересов и привилегий. Но если бы мы попытались обосновать этим классовую теорию, подчиненную экономическому процессу капитализма, мы бы впали в ошибку, приписав революционную ценность преходящему недовольству голодных. Мы не отрицаем значения для развития народов голода, эпидемий и войн. Но мы против выражения процесса эволюции в виде прямой линии, связанной с этими феноменами и независимой от идей. Нищета, толкающая на восстание одно

население, подавляет другое. Война, которая вызывает бунты в одном народ, истощает другой. И бывают судороги гнева, жесты энергии, смутное беспокойство о еде, которые доводят людей до отчаяния и бессилия.

Революции, определяемые завоеванием хлеба, могут идти различными путями. Движения трудящегося класса всех стран не развиваются параллельно, даже там, где социальные и экономические условия кажутся одинаковыми, потому что ориентацию революции определяют этические факторы, превалирующие над непосредственным интересом.

Социальные идеи действуют против мнимого единообразия человеческого прогресса. Вот почему антагонистические секторы рабочего движения выступают все более рельефно. Даже в периоды агитации, когда организации, кажется, приспосабливаются к непосредственным задачам, они следуют этому процессу этической дифференциации, который определяет поведение отдельных людей. Все трудящиеся могут испытывать те же самые потребности, одинаково страдать от несправедливости, зависеть от того же самого хозяина; но не все они обладают одинаковой культурой, способностью, не все имеют одни и те же идеи. И, как логическое следствие, возникает проблема на уровне истолкования: как приступить к коллективному действию, чтобы покончить с царством эксплуатации и позора.

На основе истолкований, то есть не того, «почему» существует эксплуатация, а того, «как» положить конец этой системе, возникают секторы рабочего движения со своими особыми доктринами. . . . Совпадение интересов не означает совпадения мнений, идей, воли. Эти последние всегда стоят выше первых, поскольку человек борется, вдохновляясь скорее мыслями, нежели чувствами. . . . Надо сказать, что масса нуждающихся может, следуя импульсу своих непосредственных потребностей, идти по пути революции. Но как только она удовлетворяет чисто физические потребности, она останавливается, образуя заторы, и оказывается парализованной. Только меньшинство сохраняет способность не прекращать борьбу после достижения непосредственной цели, и на этом завоевании основывается возможность полного освобождения.

Такое различие в мотивах и целях предопределяет расслоение профсоюзных конгломератов, «органически» поддерживаемых с помощью дисциплины. Являются ли разнообразие и дифференциация, вносимые идеями в рабочее движение, злом? Некоторые анархисты настаивают на игнорировании этого естественного факта, считая соединение всей энергии пролетариата в едином представительном классовом органе «настоятельной необходимостью». В действительности же они отрицают собственную индивидуальность и исключают сами себя из процесса, который предопределяет развитие настоящего революционного движения.

Противоречие, вырастающее из двух этих позиций, мы должны искать в самом рабочем движении. Распространилась вера в то, что синдикализм, не будучи отдельной доктриной, есть лишь составляющая экономического разви-

тия буржуазного общества, и в силу экономических императивов трудящиеся обязаны действовать в соответствии с необходимостями, созданными капитализмом.

Согласно «историческим материалистам», из необходимостей, преобладающих в капиталистической экономике, императива индустриализации и капитализации труда неизбежно вырастает классовое сознание — которое, будучи по происхождению материалистическим, неспособно увидеть революционное решение социальной проблемы (справедливость и равенство поверх всех каст и классов). Чего же хотят тогда защитники классового единства? Только одной вещи: изнутри и извне руководить рабочим движением.

Различные секторы рабочего движения представляют в сценарии так называемой классовой борьбы разнообразие революционных мотивов, степеней сознательности, идеологических стадий. И трудящиеся вносят свой вклад в борьбу своим мнением, инициативой, идеей — вопреки классовому униформизму. . . . Ведь истолкование социальных проблем неодинаково для католиков и социалистов, авторитариев и либертарииев, пассивных и бунтарей.

7.

Предшествовавшие соображения приводят нас к частичному пересмотру тактики анархистов, по крайней мере, в том что касается позиции большинства либертарных активистов в рабочем движении.

Нам скажут, что наше движение охватывает всю совокупность проблем, которые ставит перед человеком опыт его социальной жизни, а потому невозможно конкретизировать совокупность революционной идеологии в виде какого-либо устоявшегося принципа. Мы можем согласиться с тем, что сила анархизма состоит в разнообразии тем, истолкований, темпераментов. Но разве нельзя конкретизировать в виде единого метода пропаганды и действия поведение всех анархистов в том, что касается коллективной работы, отнюдь не игнорируя предпочтений каждого человека в деле просвещения масс, в привлечении сторонников, будь то в группе, синдикате или в школе?

Мы не можем требовать от индивидуалиста, чтобы он согласился с компромиссом коллективного порядка, если это нарушает его индивидуальность . . . Тем более мы не должны требовать помощи от антипрофсоюзно настроенных групп в деле пропаганды с непосредственной целью организации пролетариата. Но мы вправе рассчитывать на моральную поддержку тех и других, которая состоит в этом случае в том, отказаться от враждебности по отношению к нам и от намерений разрушить то, что, в конце концов, не требует от них никаких жертв.

Мы слишком хорошо знаем, что идейный интегрализм пока невозможен для анархистов. Но это не будет чересчур большим препятствием для общей пропаганды, которая станет разветвляться на различные сферы приложения, но совпадать в революционной цели.

Все различные истолкования анархизма сталкиваются между собой на почве практики — в экспериментальной сфере революционных теорий. Все мы согласны, когда речь заходит об оценке общего феномена, который нам продемонстрировала российская революция. Все мы, анархисты, сходимся перед лицом большевизма — сегодня, когда его определяют как часть государственнической и авторитарной идеологии, поскольку речь идет о борьбе с диктатурой, восстановлением государства, бюрократическим централизмом и возвращением к капиталистическому режиму в России. Однако, когда заходит речь о том, чтобы противопоставить социал-реформизму четкую революционную концепцию и силу, способную сдержать его наступление, согласие далеко не столь полно. Большинство товарищей в Европе, даже признавая необходимость защищать в рабочем движении старое разделение между авторитариями и либертариями, продолжает поддерживать необходимость нейтральности профсоюзов в том, что касается тенденций, не следующих никакой из идеологий, выступающих в социальной борьбе. Синдикализм, заявляют они, является чисто экономическим и должен развиваться за рамками политических влияний, внешних по отношению к этим необходимым императивам . . . И эта тактическая ошибка, которая оставляет пролетариат игрушкой политических

авантюристов и профсоюзных функционеров, исключает анархистов как фактор, влияющий на ориентацию рабочего движения, чем пользуются в своих избирательных целях социалистические политики.

Этой позиции, в целом разделяемой анархистами большинства стран, мы противопоставляем тактику рабочего движения с либертарной ориентацией. В чем состоит наш идейный интегрализм? В деле революционной пропаганды, в целом, мы не делаем различий между рабочим и служащим, между работником физического и умственного труда. Мы не считаем, что экономический фактор сам по себе предопределяет восстание пролетариата, тем более, что этого достаточно для освободительной борьбы. Мы признаем важность этого фактора, но не подчиняем его проявлениям другие факторы, которые тоже способствуют превращению человека в мыслящее целое. С другой стороны, если в политическом и экономическом строе существует тесная взаимосвязь между всеми проявлениями социального зла, если все несправедливости проистекают из одного и того же принципа и находят свое историческое выражение в государстве, зачем же настаивать на разделении следствий одной и той же причины и применять различные средства для лечения симптомов общего заболевания?

Повторяя тактику социал-демократов и действуя политическим методом, те, кто ищут частичных лекарств для исторического зла, всего лишь попадают в замкнутый круг марксизма. Вместо того, чтобы охватить весь комплекс социальных проблем в универсальном революционном движении, пришлось бы создать столько движений, сколько аспектов имеет так называемый социальный вопрос. И этот партикуляризм привел бы нас к нынешнему распылению сил, ослабляя сопротивление анархизма перед лицом общего врага.

Необходимо противостоять распылению энергии и воли. Анархизм может выработать основу интегрального действия, так чтобы сторонникам различных отдельных доктрин не пришлось ради этого отказываться от своих особых точек зрения. Если есть общая цель, какое значение имеет то, что средства ее достижения не являются абсолютно одинаковыми? Достаточно того, чтобы либертарный дух вдохновлял борьбу тех, кто сделал своим делом свободу и эмансипацию пролетариата, и придавал импульсы этой борьбе.

8.

Суммируя наши мысли, мы приходим к следующим выводам:

Мы предпочитаем синдикальную организацию специфически-анархистской группе не потому, что эта первая является рабочей, а, скорее, потому что она позволяет привлечь к кругу своего влияния большое количество людей и открывает наиболее широкое поле для революционного действия. Отвергая исключительный характер синдикализма, который, согласно теоретикам этой псевдодоктрины, не признает ничего, кроме защиты интересов наемного труженика, и понимая пролетарскую организацию как интегральное движение народа, анархизм перестает быть «особой» доктриной, внешней по отношению к трудящимся и ютящейся на обочине или поверх профсоюзов.

Предпочитая профсоюз идеологической группе и в целом отвергая особую организацию анархизма, мы не заявляем, что придаем важность исключительно экономическому вопросу. Мы хотим порвать с синдикалистской традицией и превратить анархизм в нерв рабочего движения. И наше наибольшее стремление — покончить с разделением на пропаганду в двух различных и все более расходящихся сферах — синдикального экономизма и чистой доктрины.

* * *

Для революционеров пятидесятилетней давности было сравнительно просто выработать общую основу для деятельности в рабочем движении. Девиз Первого Интернационала «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь!» служил широкой программой действий. Социализм, классовый идеал, еще не приобрел своих «научных» формул. Непосредственные интересы объединяли всех организованных трудящихся единой целью. И революция, понимаемая как силовой акт, направленный против капиталистов, представляла совокупность экономических интересов, определяемых исключительно на основе социального контраста и силы антагонизма, который существовал между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

С развитием идей изменились и методы борьбы. Выражение «Освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся» хотя и продолжает служить девизом социализма, утратило силу первоначального воздействия. Трудящиеся могут искать своего освобождения прямыми, революционными средствами; однако, согласно марксистским теоретикам, они смогут добиться его гораздо проще и меньшей ценой, реализуя свой гражданский суверенитет, посылая депутатов в парламент, усиливая кризис капитализма поэтапным завоеванием власти. И эта тактика, плод авторитарной теории, которая насчитывает миллионы сторонников, сильнее всего влияет на ориентацию пролетариата и парализует революционные силы демократическими иллюзиями.

Синдикализм не является автономной доктриной, чуждая столкновениям политических и философских тенденций, на которые разделен пролетариат.

Это средство действия, подчиненное социальному процессу развития народов и заимствующее у различных социалистических школ метод пропаганды и программу возможных мер.

* * *

Разделение на тенденции существует во всех странах, и борьба за ориентацию рабочего движения, которую ведут различные политические и доктринальные секторы, захватывает максимум энергии социализма и анархизма. В результате тактическая проблема состоит не в том, что для организации пролетариата используются те или иные средства, а именно в принятии «особой методологии» с тем, чтобы довести до конца работу по привлечению сторонников, которую ведет каждый из секторов активистов. Партикуляризм выражается в доктринах, которые однако могут обобщаться и распространяться на значительное число трудящихся, и именно под действием «особых» мнений и концепций рабочий создает свои методы борьбы, выковывает свое боевое оружие за пределами или поверх так называемого классового интереса.

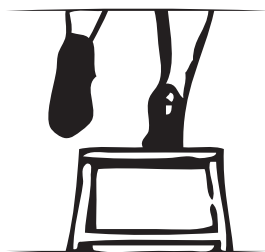
Подчинять все социальные проблемы экономической функции или утверждать, что у рабочих есть только материальный интерес бороться против капитализма и государства, — значит отрицать само существование идей. Если мы примем, что материалистический детерминизм подчинен относительноности процесса морального развития народов, то должны признать логичным наличие доктринальных антагонизмов между людьми, даже связанных одним и тем же экономическим интересом. То, что мы защищаем этот принцип, ни в коей мере не означает, что мы отрицаем возможность взаимопонимания между рабочими для борьбы с общим врагом. Но сообщество в нищете и несчастье не предопределяет, что все эксплуатируемые в равной мере способны к борьбе, напротив. Это проявляется в различии теоретических и тактических истолкований в рабочем движении.

(Certamen Internacional de La Protesta. Buenos Aires, 1927. P.90-99).

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Эмилио Лопес Аранго

Доктрина и тактика

1927

Переводчик: Вадим Дамье

www.aitrus.narod.ru